

Список использованной литературы:

1. Кельман М. С., Мурашин О. Г., Загальна теорія держави і права : підручник / С. М. Кельман, О. Г. Мурашин. – К. : Кондор, 2006. – 447 с.
2. Чабанна М. В. Політичні партії і партійні системи : навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. / М. В. Чабанна / Нац. ун-т «Києво-Могилянська академія». – К. : ВПЦ НАУКМА, 2010. – 202 с.
3. Юдин Ю.А. Политические партии и право в современном государстве/ Ю.А. Юдин/ Российская академия наук. Институт государства и права. – М. : Форум – Инфра-М, 1998. – 288 с.
4. Медведчук В. В. Громадянське суспільство: Український вибір : монографія / В. В. Медведчук. – К. : Логос, 2012. – 568 с.
5. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для юридических вузов и факультетов / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма – Инфра-М, 1999. – 552 с.
6. Журавський В.С. Політична система України: проблеми становлення і розвитку (правовий аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01/ Журавський Віталій Станіславович ; Університет внутрішніх справ. – Харків, 2000. – 19 с.
7. Єршов О. В. Політичні партії і становлення демократії: політико-правові аспекти участі партій у виборчому процесі / О. В. Єршов/ Держава і право. – Київ, 2003. – Вип. 19. – С. 592-599.
8. Вашук О. М. Конституційно-правовий статус громадських організацій України / О. М. Вашук // Держава і право. – Київ, 2003. – Вип. 22. – С. 320-326.
9. Богашева Н. В. До питання про визначення політичної партії / Н. В. Богашева // Держава і право. – Київ, 2010. – Вип. 50. – С. 219-231.
10. Теорія держави і права: академічний курс : підручник / МОНУ [Зайчук О. В. та ін.] – 2-ге вид., переробл. і доп. – Київ : Юрінком Інтер, 2008. – 688 с.
11. Висоцький В. М. Функції політичних партій: правовий зміст поняття, ознаки правова регламентація / В. М. Висоцький // Держава і право. – Київ, 2010. – Вип. 49. – С. 134-139.
12. Загальна теорія держави і права: підручник для студентів юридичних вищих навчальних закладів / [Цвік М. В. та ін.] / За ред. М. В. Цвіка, О. В. Петришина. – Х. : Право, 2010. – 584 с.
13. Рабінович П. М. Основи загальної теорії права та держави : навчальний посібник / П. М. Рабінович. – 5-те, видання зі змінами. – К. : Атіка, 2001. – 176 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ ПРИЧИН ПРЕСТУПНОСТИ

С. НЕЖУРБИДА,

кандидат юридических наук, доцент,
и. о. заведующего кафедрой уголовного права и криминалистики
Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича

SUMMARY

The author makes an attempt to carry out a comparative-criminological research of contemporary crime causation theories. As a result of this research the author comes to the conclusion that a human, as a carrier of needs, stands out as the central category of contemporary crime causation theories. In author's opinion, this fact makes to think for a human's need sphere, his/her nature. To author's mind, making a final conclusion, without analyzing the crime causation theories of biological direction, is impossible.

Key words: theory, cause of crime, cause of criminality, human, need.

***

В данной статье автор делает попытку проведения сравнительно-криминологического исследования современных теорий причин преступности. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что центральной категорией современных теорий причин преступности выступает человек как носитель потребностей. По его мнению, этот факт заставляет задуматься над вопросом потребностной сферы самого человека, его природы и сделать окончательный вывод без анализа теорий причин преступности биологического направления невозможно.

Ключевые слова: теория, причина преступления, причина преступности, человек, потребность.

Постановка проблемы. Эффективное противодействие преступности напрямую зависит от правильного определения причины преступления. Существующий на сегодня массив теорий причин преступности дает возможность для их сравнительного изучения, что, по нашему мнению, позволяет вплотную приблизиться к разгадке тайны «этиологии преступления».

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы – в настоящее время практически нет ни одной фундаментальной работы по сравнительно-криминологическому исследованию современных теорий причин преступности. Это также говорит и о **состоянии исследования** рассматриваемого вопроса.

Изложение основного материала. В нашем случае объектом сравнения выступают теории причин преступности. Однако возникает вопрос, какие именно теории причин преступности следует подвергать сравнению? В данном случае следует выбрать правильные критерии. Так, выбрав критерий «времени возникновения теории», можно сравнить теории причин преступности, которые возникли в определенный

период времени. Критерий «модифицируемости теории» позволяет сравнить теории, возникшие даже в разный период времени, но на протяжении своего существования подвергавшиеся определенной модификации. Можно применить критерий «современности теории». Однако и здесь на пути исследователя возникает вопрос, а какие теории считать современными: те, которые только появились, или те, которые возникли давно, но существуют и по сей день, пройдя определенную «модификацию»? Мы, например, считаем, что по критерию «современности теории» должны сравниваться теории причин преступности, которые существуют именно на сегодняшний день, несмотря на время своего возникновения, иначе подменяется сам смысл современности.

Мы можем привести и другие критерии для сравнения. Их будет столько, насколько богатой будет наша фантазия. Однако мы видим и другую проблему для сравнения. Так, если количество критериев для сравнения мы установить можем, то количество современных теорий причин преступности, по нашему мнению, на сегодня установить невозможно. Мы обладаем сведениями только о тех теориях причин преступности, которые являются общеизвестными, «разрекламированным», общепризнанными и т. д. А что делать с другими теориями, которые по разным причинам таковыми не являются? Выход из этой ситуации мы видим в создании реестра криминологических исследований причин преступности, реестра криминологических школ. В зависимости от уровня сравнения – мирового, регионального или национального – такой реестр должен быть соответствующего уровня. По нашему мнению, это дало бы возможность владеть информацией о наличии взглядов на причины преступления/преступности, а если такие взгляды системные – информацией о количестве теорий причин преступности. Это также дало бы возможность их полной систематизации.

При отсутствии такого реестра мы можем изучать только теории причин преступности, которые являются «наиболее презентативными». Уровень «презентативности» любой криминологической теории зависит от многих факторов. Среди них и количество публикаций автора теории, его участие в научных мероприятиях с целью презентации и защиты положений теории, презентация теории (в том числе и в сети Интернет) и т. д. Одним из влиятельных факторов «презентативности» теории выступает и язык, которым она подается. Но это тоже отдельная проблема, которая требует отдельного исследования. Но отметим, что большинство теорий причин преступности «представлены» на английском языке. Это и неудивительно. Какая сегодня криминология в мире? Она – англоязычная. Теории же, которые господствуют, например, в криминологии немецкоязычных стран, стран Восто-

ка, по нашему мнению, «представлены» слабо. Более того, большинство из ученых о них узнают только из англоязычных криминологических источников. Скажем, кому известен «комплекс произвола и иллюзий» А.Н. Костенко? Он известен преимущественно только на постсоветском пространстве.

Вернемся к нашему главному вопросу – сравнительно-криминологическому исследованию теорий причин преступности, теорий, которые, по словам В.В. Лунеева, «...зачастую не только не согласуются по своему концептуальному содержанию, но и противоречат друг другу» [3, с. 141]. Следует признать, что на сегодняшний день у криминологов отсутствует общая позиция относительно определения понятия «преступность» [2, с. 13-32], которая является одним из объектов межнационального криминологического сравнения. Подобная ситуация сложилась и в отношении видов преступности. Например, А.М. Бойко пишет также и об экономической преступности, «...относительно понимания сущности...» которой «...до сих пор ни в зарубежной, ни в отечественной криминологии единой позиции ... нет» [1, с. 10]. Это связано с наличием многочисленных способов понимания и трактовки этого явления, его различным состоянием на территории государств мира, разной степенью пораженности им общества, сфер его жизнедеятельности и различными практиками противодействия этому явлению. Так же невозможно дать единое определение понятию «преступление». Данную проблему Марсело Аэби (Marcelo F. Aebi) относит к юридическим факторам, которые влияют на трудности в межнациональных сравнениях с использованием официальной статистики [9, р. 472].

Но, анализируя современные теории причин преступности, в которых ее авторы иногда не раскрывают понятие преступления/преступности, характеризуя их причины, а другие его раскрывают, мы можем утверждать, что все они считают, что **ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЯВЛЯЕТСЯ ДЕЯНИЕМ, а ПРЕСТУПНОСТЬ** – категорией, производной от пре-

ступления. Дается много характеристик преступления и преступности. Однако большинство все равно придерживается понятия преступления, определенного в законодательстве. Кроме того, признавая преступление действием (умышленным, неосторожным, бездействием), авторы теорий причин преступности пытаются объяснить **ПРИЧИНУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРИЧИНУ ДЕЯНИЯ ИМЕННО ЧЕЛОВЕКА.**

Представители «демонологического» направления теорий причин преступности, которые можно признать современным, хотя и утверждают об отсутствии свободы воли человека при выборе преступного поведения в моделях «кармы», «божественного провидения», «искушения» и «одержимости», однако не исключают тот факт, что **ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ – ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.** Тот факт, что преступное поведение является поведением только человека, кроме представителей «спиритуального детерминизма» преступного поведения не исключают и современные социальные философы, признавая преступление как неотъемлемое человека, а преступность – как неотъемлемое общества, объясняя тем самым наличие неотъемлемого и органической связи преступности со всеми сферами жизни человека, а также феномен обоюдной «генерации» преступности и общества. Они убеждены, что природа человека выступает первоосновой причинности его преступных поступков. Именно его индивидуальная природа, по их мнению, выступает внутренним детерминантом его преступного поведения, поскольку преступление является результатом проявления «творчества» человека (благодаря его воображению) как преступного образа поведения [4, с. 253]. Также, несмотря на разнообразие социологических теорий причин преступности, их представители основное внимание уделяют именно человеку, как активному участнику социальных процессов и неотъемлемой части социальной структуры.

Сегодня в криминологии господствует подход к противодействию преступности, согласно которому

успешность противодействия невозможна без определения причины преступления/преступности. Другой подход, который, по нашему мнению, еще не набрал популярности, берет свои истоки в трудах античных философов, критическая масса которых не задавалась целью выявить причины плохого, злого, недобропорядочного, преступного и другого, но подобного поведения. Напротив, античные философы пытались объяснить, почему поведение человека является хорошим, незлым, добропорядочным, не-преступным [5, с. 135]. Они считали преступление «этически иррациональным» действием.

Иного мнения представители «неоклассического» направления теорий причин преступности, теоретической базой для которого стали идеи представителей эпохи Просвещения о значении интеллекта и разума в поведении человека [6, с.95]. Хотя предложенное представителями «неоклассического» направления теорий причин преступности имеет своей основой «экономические соображения» и имеет для криминологии лишь ограниченную ценность [8, с. 244], из его анализа преимущественно экономических преступлений, или преступлений насильственных, но совершенных из корыстных побуждений [7], можно сделать вывод, что **ЧЕЛОВЕК СОВЕРШАЕТ ПРЕСТУПНОЕ ДЕЯНИЕ С ОПРЕДЕЛЕННОЙ ЦЕЛЮ**. Он совершает его, как утверждают представители теории рационального выбора Дерек Корниш (Derek Cornish) и Рональд Кларк (Ronald V. Clarke), рационально. Так считают «неоклассики» криминологии.

Если человек, который совершает преступление, действует с определенной целью, то что лежит в основе этой цели? В ее основе лежит потребность человека. И если внимательно проанализировать теории причин преступности социологического направления, то мы убедимся, что объектом исследования их представителей выступает **ЧЕЛОВЕК - НОСИТЕЛЬ ПОТРЕБНОСТЕЙ**. Попробуем это доказать.

Начнем с представителей теорий аномии/напряжения. Анализ положе-

ний теорий, которые они представляют, показал их убеждение в том, что **большинство людей имеют схожие ценности и цели**, возможность достичь которые стратифицирована социоэкономическим классом. В результате – возникает состояние «напряжения», которое относится к криминальной мотивации. По Дюркгейму, преступление – это результат неспособности общества регулировать **естественные импульсы и желания его индивидов**. Основная же причина преступности по Мертону – противоречие между **ценностями, на достижение которых нацеливает общество, и возможностями их достижения по установленным обществом** правилам; преступление является следствием сознательного выбора незаконного (неинституционализированного) способа поведения для достижения целей, которые в обществе признаются «успехом».

Альберт Коэн, Ричард Клоуард и Ллойд Охлин (теория дифференцированной возможности) пишат о широких возможностях низших слоев населения в **достижении цели** в своем ближайшем окружении. А Стивен Месснер, Ричард Розенфельд и Роберт Энью и дальше развивают мысль Мертона о привлечении антисоциального поведения американским акцентом на **материальном успехе**, высшего чем все другие ценности в обществе. Кроме того, Роберт Энью считает, что одной из категорий «напряжения», на которой делает акцент его теория общего напряжения, выступает **фактическая или ожидаемая неудача достичь положительно ценностные цели**. Итак, исходные положения вышеуказанных теорий характеризуются общностью – желанием индивидов, совершающих преступления, **достичь поставленных целей** при отсутствии у них соответствующих (адекватных) законных механизмов их достижения. А не является ли постановка цели человеком проявлением его потребности?

Мы относим к «социально-структурному» направлению теорий причин преступности криминологические взгляды большинства выдающихся советских криминологов и криминологов современности на

постсоветском пространстве, систему которых мы называем теорией социальных противоречий. Основное положение: причина правонарушения на индивидуальном уровне – социальные **несогласованности лица** с окружающей средой (В.Н. Кудрявцев). А несогласованности в чем? Несогласованности в потребностях. Вспоминается выражение: «чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями». Российский криминолог Я.И. Гилинский также поддерживает позицию о признании социальных противоречий как причины преступности: противоречие между **потребностями людей** и реальными возможностями их удовлетворения, которые зависят прежде всего от места индивида или группы в социальной структуре общества, степени социально-экономической дифференциации и неравенства, является важным криминогенным фактором.

Анализ взглядов представителей теорий причин преступности «экологического» направления так же показал, что делинквентность исходит из реализации индивидуальных потребностей человека и коллективных потребностей. Так, Клиффорд Шо и Генри МакКей (теория социальной дезорганизации) признали, что криминогенные проблемы городской жизни проистекают из факторов, среди которых мы выделим **материальную необеспеченность жизни людей и индивидуальные, а также социальные усилия, направленные на приспособление к требованиям и влияниям общественной и экономической жизни города**. Этой же мысли придерживаются Роберт Бёрзик и Гарольд Грасмик. **Материальная необеспеченность** – один из основных тезисов теории «экологии» преступности Родни Старка. А интегрированной теории социальной дезорганизации уровня общины Роберта Семпсона и У. Байрона Гроувса – **социальные условия индивида**.

Анализ взглядов представителей теорий культурной девиантности показал следующее. По мнению Йохана Торстена Селлина (теория конфликта культур), преступление может выступать результатом противопоставления групп с различными образами

жизни и характером выработанных ими **социальных ценностей**. Марвин Вольфганг и Франко Ферракути продолжают ход мыслей Селлина, ограничиваясь только поведением, которое проявляется в нападениях и умышленных убийствах. Автор теории делинквентных субкультур (Альбер Коэн) считает делинквентное поведение молодежи низшего социального класса протестом против норм и ценностей среднего социального класса именно в связи с тем, что **социальные условия делают невозможным достижение успеха** законным путем. Тут отметим и теорию локальных проблем американского антрополога Уолтера Миллера, согласно которой доминирующим компонентом мотивации противоправных действий членов молодежных уличных групп в общинах низшего класса выступает **целенаправленная попытка** лица строго придерживаться форм поведения и **достичь стандартов ценностей**, принятых в обществе.

Исследуя видение преступления А.Н. Костенко, в котором главную роль в механизме преступления играет личность с комплексом произвола и иллюзий, видим, что одним из главных компонентов выступает удовлетворение человеком его потребностей. Так, преступный мотив возникает в результате избрания человеком именно **преступного способа удовлетворения своих потребностей** под влиянием комплекса произвола и иллюзий. Преступная цель, по мнению А.Н. Костенко, которую ставит человек под влиянием комплекса произвола и иллюзий, заключается в создании преступным способом такого состояния вещей, которое необходимо для **удовлетворения его потребностей**. А совершение преступления (последний этап его механизма) происходит под влиянием преступного мотива и преступной цели. Делаем вывод, что преступление, по А.Н. Костенко, совершается под влиянием «элементов его механизма», основным компонентом которых является удовлетворение человеком своих потребностей.

Во взглядах представителей теории социального обучения также

прослеживается главная основа преступного поведения лица – его потребности. Хотя сущность теории дифференциальной ассоциации, которую предложил Эдвин Саверланд, заключается в том, что преступное поведение усваивается и приобретает в процессе социальной адаптации и в подражание преобладающих в группе типов поведения, ее автор среди основных положений теории выделяет следующее положение: **преступное поведение является выражением общих потребностей и ценностей человека**. Дональд Рэй Кресси, который представил дальнейшее развитие теории Саверланда, считает, что лицо становится делинквентом в результате преимущества у него оценок, которые способствуют нарушению норм права, над оценками, которые такому нарушению не способствуют. Причем Кресси не исключает положения Теории Саверланда, которое мы привели выше. Так же не исключает его и известный последователь идей Кресси – Дэвид Лакенбилл. Другой попыткой объяснить феномен преступности как вида поведения, которому обучаются, выступила теория дифференциального **подкрепления** Рональда Акерса и Роберта Бёрджесса. Одной из составляющих предопределения оперантного поведения лица согласно этой теории выступает «подкрепление» – удовлетворение потребности. Причем оперантное обучение наблюдается, когда человек добровольно совершает действия для **достижения желаемого им результата**. В усовершенствованной теории социального обучения Акерса «дифференциальное подкрепление» выделяется как один из четырех элементов, с помощью которых определяется поведение человека. Поскольку дифференциальное подкрепление состоит из реальных или ожидаемых последствий специфического поведения, то, по мнению Акерса, **криминальное поведение является следствием дифференциального подкрепления и определения** его желанным.

Основные положения теорий контроля в криминологии основываются на результатах исследований процесса социализации личности

– процесса усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, которые позволяют ему **успешно функционировать** в обществе. Но какова цель утверждения таких образцов поведения, необходимых психологических установок, социальных норм, ценностей, уровня знаний и навыков? Цель одна – их соблюдение, достижение и использование позволяет человеку успешно функционировать в обществе (Альберт Райс, Джексон Тоби, Фрэнсис Айван Най). Основная идея Уолтера Реклесса (теория сдерживания) пронизана «материализмом». Так, он убежден в существовании «толчков» и «рывков», продуцирующих делинквентное поведение. И среди «толчков»: **недовольство условиями жизни, фрустрация и скука, как возможные последствия социального положения или отсутствия возможности в продвижении в школе или поиске работы**.

Теория социальной связи Трэвиса Хирши характеризует, по нашему мнению, личность, которая ставит удовлетворение собственных потребностей выше конформного порядка, выше связей с обществом или с группой, в которую она входит. А в общей теории преступления Трэвис Хирши и Майкл Готтфредсон конкретно указывают на то, что преступление является результатом столкновения с ситуациями или стечением обстоятельств у лиц с низким самоконтролем, и преступление будет вызывать у них **непосредственное удовлетворение** с относительно низкими уровнями риска. Так, по их мнению, низкий самоконтроль состоит из шести компонентов: 1) импульсивность; 2) простые задачи; 3) поиск риска; 4) физическая активность; 5) эгоцентричность; 6) нрав. Детальный анализ этих компонентов также показывает сущность потребностной сферы человека, совершающего преступление: получить все сейчас (импульсивность), легкое или простое удовлетворение желаний (простые задачи), потребность в риске (поиск риска), большая потребность в физической активности, чем в познавательной и умственной (физическая

активность), равнодушие или невнимательность к страданиям и нуждам других (эгоцентричность).

Взгляды представителей теорий социальной реакции различаются между собой. Однако в них также можно увидеть и сущность потребностной сферы человека. Одни из них считают, что преступное поведение человека подвластно различным социальным факторам, а точнее, выступает в форме реакции на них. А среди этих факторов выделяются факторы экономические. Теория клеймения или теория социальной реакции (Говард Бекер, Фрэнк Танненбаум) включают в себя положения, согласно которым социальный девиант не является по своей природе социально девиантным лицом, но становится таковым в следствие наложения на него такого «клейма». Но следует отметить, что авторы теории считают, что в результате «клеймения» лицу сложнее придерживаться нормального ежедневного поведения и противостоять «провокациям» к «ненормальным» действиям. То есть, по нашему мнению, «заклейменной» личности сложнее реализовывать свои ежедневные потребности.

Также представляют интерес результаты анализа теорий, которые рассматривают преступление как реакцию на существующий конфликт. Среди них - теория группового конфликта (Джордж Брайан Волд), согласно которой столкновение **интересов с целью получения, удержания или улучшения позиций определенных групп**, ведущих борьбу за «власть» в обществе, непременно приводит к социальным конфликтам, а преступность - феномен, который постоянно сопровождает такие конфликты. То есть преступление выступает «средством» для победы интересов определенной группы, а интересы у групп возникают постоянно и также постоянно сталкиваются с интересами других групп. **Диалектичность человеческих представлений и активности** также характеризуется непрерывным конфликтом (преступлением) согласно теории криминализации и нормативно-правового конфликта Остина Тарка. А теория радикальной девиантности («не-

омарксистское» направление криминологии) отстаивает положение о том, что неравенство возможностей, как следствие классового, полового и этнического неравенства, выступает главным криминогенным фактором. Положение индивида, который сознательно делает свой выбор (возможно, преступный) в условиях неравенства возможностей, также осложняется тем, что возможность выбора принадлежит обществу, которое может криминализировать поведение этого индивида.

Итак, из приведенного выше анализа ясно видно, что центральной категорией современных теорий причин преступности выступает **ЧЕЛОВЕК КАК НОСИТЕЛЬ ПОТРЕБНОСТЕЙ**.

Данный факт заставляет задуматься над вопросом потребностной сферы самого человека, его природы. А сделать окончательный вывод в этом вопросе невозможно без анализа теорий причин преступности биологического направления.

Список использованной литературы:

1. Бойко А. М. Детермінація економічної злочинності в Україні в умовах переходу до ринкової економіки (теоретико-кримінологічне дослідження) : монографія. – Львів : Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2008. – 380 с.
2. Дремін В. Н. Преступность: в паутине определений // Преступность и криминологические основы уголовной юстиции : монография / [В. Н. Дремін, А.А. Березовский, Н. А. Орловская и др.]: под ред. В. Н. Дремينا. – О. : Фенікс, 2007. – 280 с.
3. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. – М. : Издательство Юрайт, 2011. – 1003 с.
4. Нежурбіда С.І. Причини злочинності: погляди сучасних соціальних філософів // Проблеми філософії права. Том VIII-IX. – Київ-Чернівці : Чернів. нац. ун-т, 2012. – С. 249-253.
5. Нежурбіда С. І. «Етичний ірраціоналізм» як причина злочину: погляди античних філософів 500-300 рр. до н. е. // Науковий вісник

Чернівецького університету: Збірник наук. праць. Вип. 628: Правознавство. – Чернівці : ЧНУ, 2012. – С. 130-135.

6. Нежурбіда С.І. «Просвітницький» напрям теорій причин злочинності: ідея, сутність, наслідки // Науковий вісник Чернівецького університету : збірник наук. праць. Вип. 604: Правознавство. – Чернівці : ЧНУ, 2011. – С. 91-95.

7. Нежурбіда С. І. «Неокласичний» напрям теорій причин злочинності: погляди Gary S. Becker-а на причини злочину Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наук. праць. Вип. 618: Правознавство. – Чернівці : ЧНУ, 2012. – С. 115-120.

8. Шнайдер Г. Й. Криминология: Пер. с нем. / Под общ. ред. и с предисл. Л. О. Иванова. – М. : Прогресс – Универс, 1994. – 504 с.

9. Aebi, Marcelo F. (2010). Crossnational Comparisons Based on Official Statistics of Crime (pp. 471-477). In: International Crime and Justice. (2010). Mangai Natarajan (Eds.). Cambridge University Press, 560 p.